

Танками в седых степях Придонья
раскатали итальянцев и мадьяр.
Плакала синьора или донья,
видя в страшном сне глубокий яр,

где лежали сваленные в кучу
трупы их в шинелишках худых.
А остатки армии могучей
добивали из «Катюш» под самый дых.

Гнали в плен колонной бесконечной
грязных и завшивленных солдат.
Бабушка жила в селе приречном
и перетерпела этот ад.

«Бедны людочки! — однажды рассказала
мне на суржике, певучем языке. —
Вот ото ж, им справы було мало
в ридной хате на Дунай-реке».

«Ба, ты что?! Жалеешь эту погань?
Ты поставь мне их еще в пример!»
Я тогда совсем не верил в бога,
правильный советский пионер.

А она жалела все живое,
всех существ, любую божью тварь.
Тех, чьи кости поросли травой,
детвору, не знавшую букварь.

«Бедны людочки». Зачем мне это знание?
Бабки нет, а я живу пока.
Тут большой вопрос языкознанья,
тема о нюансах языка.

Нет в державном словаре жаленья формы.
Жаль героя — пишется глава.
В правилах литературной нашей нормы
уменьшенья и уничтожения слова.

«Люди» — «люд», «простолюдин», «людишки».
Что ни слово — барская все спесь.
И «людская». Не найдешь в ученой книжке
форм иных, исчерпан список весь.

А «народ»? — «народишко», «народец».
Место знай да береги бока!
Тут поймет не всякий инородец
«странность этот русский языка».

«Бедны людочки». Хрящи да кости в супе.
Мне, допустим, есть что потреблять.
«Но сурово брови мы насупим...»
Сколько ж можно брови насуплять!

Словари когда-то перепишут.
Жить вам триста лет и не болеть.
Ну, а если жалость в сердце дышит,
можно люд на суржике жалеть.

* * *

Своих на войне не бросают.
Любою ценой их спасают,
выносят из-под огня.
Бинтуют прострельные раны —
«В палату, не в морг! Еще рано».
Быть может, спасут и меня?

Своих на войне не бросают.
У смерти — сажень косая,
но мы-то пошире в плечах.
Нести, спотыкаясь, из боя,
зубами скрипя, даже воя,
в кровавых заката лучах.

Своих на войне не бросают.
Нейтральная полоса ли,
иль доползли до тылов.

«Чего ты тащил? Он груз 200».
Мы год были с парнем тем вместе,
письмо сочиняли невесте,
и я дотащу груз без слов.

Своих на войне не бросают.
В атаку идущие знают:
убит, но еще не забыт.
Цена запредельного риска —
блестящая грань обелиска.
Как пал ты, гранит сохранит.

* * *

В подземном переходе скрипка плакала.
У музыканта есть смычок, но нет ноги.
А место тут для попрошаек лакомое —
без «крыши» и соваться не моги!

Играл старик, всю душу мне выматывая,
маня туда, где сожжены мосты.
Я шел снимать на паспорт фото матовое,
но в черно-белом переходе том застыл.

Звучал минор про молодость растраченную,
любовь былую, ивы, рябь пруда,
про хату артобстрелом расхреначенную —
в блокпост стреляли, но попали не туда.

Не жизнь, а грусть, на счастье лишь пародия...
Скажи же скрипка, плачешь по кому?
И мне почудилось: дослушаю рапсодию
и про себя вдруг важное пойму!

Вот-вот дойду умом до очень многого,
еще чуть-чуть — постигну соль земли...
Но «крыши» не было, и музыканта одноногого
омоновцы под руки увели.

* * *

Мне матушка преданья говорила
на суржике, забавном языке.
Галушки и вареники варила.
А пышки на пергаментном листке!
А борщ — в нем не утонет ложка,
в нем песня украинской стороны!
Ну и с картохой пирогов немножко,
одни велики, а други дрібны.

И доброта вокруг нее витала,
ни капли зла, она любила нас.
Жаль, что пожить ей удалось так мало...
Порою слезы капают из глаз.

А за отцом — Россия коренная,
сто поколений русских за отцом.
И если поискать, где Русь святая,
отыщешь тут — под городом Ельцом.
Антоновки в садах особый запах,
и чернозем распахан ровно так.
Нет, не поймет уже, похоже, Запад,
что яблоки порой сильнее, чем танк.

Мне равно внятны речь и та, и эта,
годятся обе — плакать и любить.
Ну что же ты, Украина? Нет ответа.
Но мать с отцом я не могу делить.

Что написал поэт Иосиф Бродский
«На независимость» и обретенье прав,
местами выглядит довольно скотски.
Ну а местами, может, все же прав?

Нет, не хочу и не ищу врага я.
Я не ворую мед чужой из сот.
До встречи, Украина дорогая,
лет через 100, а, может быть, 500!

* * *

Родина моя усталая, заезженная за века!
Струится водица талая, чтоб напоить слегка.

Родина моя суровая, где не для всех уют!
Если заря — багровая, если холод, то лют.

Родина моя сумасшедшая, губящая своих детей!
Много для них нашедшая в УК расстрельных статей.

Родина моя неприкаянная, как баба метра под два!
Авель бы грохнул здесь Каина, тот замахнись едва.

Родина моя навязанная, нет у меня другой!
Липы проснулись с вязами, шорох травы под ногой.

Родина моя любимая, не важно, что дашь в ответ!
Родина невыносимая! Но родин других нет.

Соком брызжут березы, не свита в петлю пенька.
А солнце высушит слезы. Значит, живем пока?